

Линь Цинфэн, пережевывая фунчозу, уже было открыл рот, чтобы отказаться, но тут же передумал. Если он не вернется и не присмотрит за матерью, Фан Фан наверняка вытянет из нее все сбережения. Пожалуй, лучше поехать и проконтролировать ситуацию.

— Хорошо, договорились. Во сколько завтра отправляемся к бабушке? Не забудь меня позвать,
— громко ответил Линь Цинфэн.

— Твой дядя сегодня сильно перебрал, думаю, раньше девяти утра в себя не придет. Завтра я сначала заберу его из гостиницы, мы вместе позавтракаем дома, а потом и поедем, — ответила мать. Она закрыла дверь, легла в постель, но долго ворочалась, не в силах уснуть.

В эту ночь не спалось и Фан Фан. Плач бабушки, доносившийся из телефонной трубки, казалось, просачивался сквозь деревянный пол и глиняные стены, проникая прямо в уши. Мысль о том, что ей приходится побираться по родственникам, словно нищенке, вызывала приступ горькой тоски. Она сетовала на судьбу: за что ей достался такой отец? Всю жизнь только и знает, что копаться в земле, продавать рис летом, чтобы оплатить учебу, и торговать апельсинами зимой, чтобы не бросать школу. Даже на репетитора денег нет. Одноклассники вечно держатся группками, и если бы не ее изворотливость, если бы она не выпрашивала деньги у тетюшек, ей бы даже на чай с молоком не хватило. Быть настолько бедной, чтобы остаться в одиночестве — кажется, во всем мире только я одна такая. Но много ли выпросишь? Впрочем, если нет денег на развлечения, лучше уж сидеть дома и учиться, чем гулять, а потом провалить экзамены. А Линь Цинфэн с самого детства вечно шел мне наперекор. То, что он завалил экзамены, просто не может не радовать!

На душе у Фан Фан вдруг стало легко, мрачные мысли о нищете отступили. Она начала прикидывать, у кого бы выпросить денег на оплату университета. Линь Цинфэн в этом году тоже должен был поступать, а старшая тетя — всего лишь учительница литературы, вряд ли поможет. У младшей тети деньги есть, но она вечно в разъездах, как к ней подступиться? Ладно, лучше уж прилипнуть к бабушке. В конце концов, это она родила такого никчемного сына! Тысячи мыслей, роившихся в голове Фан Фан, вдруг рассеялись, словно туман, и она наконец с удовлетворением уснула.

Линь Цинфэн встал спозаранку, но все равно немного опоздал. Дядя уже сидел за столом, с шумом поглощая рисовую кашу. Ему едва исполнилось пятьдесят, но волосы почти полностью поседели. Смесь черного с белым выглядела так жалко, что на глаза наворачивались слезы. Руки, державшие фарфоровую чашку, были покрыты глубокими трещинами, огрубевшими, как мозоли, а под пожелтевшими ногтями скопилась толстая корка черной грязи — на фоне белой посуды это выглядело пугающе.

Он почти уткнулся лицом в чашку, лишь изредка поднимая голову, чтобы подцепить палочками немного маринованных овощей, и так съедал всю порцию каши. Увидев, что мать и дядя почти закончили, Линь Цинфэн наскоро проглотил пару ложек и заторопился переодеваться.

— Цинфэн, погоди. Сначала доешь, негоже еду выбрасывать, — дядя всегда бережно относился к зерну. Увидев, что в чашке племянника еще полно каши, он поспешил поторопить его. У

крестьян не было привычки разбрасываться едой.

Делать нечего, Цинфэну пришлось послушно сесть обратно и влить в себя остатки каши. Он тщательно проверил дно чашки, края и поверхность стола, чтобы убедиться, что ни зернышка не осталось, и только тогда поднялся из-за стола. Дядя трепетно относился к еде и не терпел, когда кто-то из окружающих относился к ней легкомысленно. Но это благоговение перед хлебом насущным так и не принесло ему достатка в жизни.

Дом бабушки находился в деревне Сяоцу, в поселке Юйси. В Сяоцу было всего около сотни дворов. Большинство жителей разъехались на заработки, постепенно покидая родные места, чтобы осесть в поселках или уездных городах, а те, кому повезло больше, перебрались в мегаполисы. Сейчас в деревне остались в основном старики под семьдесят-восемьдесят лет, так что дядя со своими годами считался здесь едва ли не самым молодым парнем.

<http://bllate.org/book/21753/2249210>